

Глава 6

Каша «Восемь сокровищ» едва успела осесть в желудке Дяньдяня. Стоило малышу срыгнуть, как по комнате пополз приторно-сладкий, липкий дух. Сам по себе запах был ещё терпимым, но вот представшая взору картина вызвала содрогание.

Сунь Ланьшу застыла, округлив глаза. На её некогда роскошном шёлковом платье расплывалось склизкое месиво. Кошмарнее всего было то, что она всё ещё могла разобрать детали этого кулинарного коллапса: разваренные до состояния слизи крупинки фиолетового риса, осколки разжёванных орехов... Окажись эта дрянь на полу — и то намучаешься отмывать, а тут почти вся порция красовалась на подоле.

— Ты что натворил, паршивец?! — взвизгнула она.

Это было её самое любимое платье. Две тысячи юаней коту под хвост! Даже если его удастся отстирать, пятно позора в её душе останется навсегда. Для Сунь Ланьшу вещь была безнадёжно испорчена.

— Извините... — пролепетал Хэ Шэн.

Испуганно всхлипывая, малыш вытащил свой жёлтый платочек и потянулся к подолу тётушки Сунь, пытаясь оттереть грязь. Но не успел он даже коснуться ткани, как женщина с силой ударила его по руке.

— Вытереть слюнявой тряпкой моё платье?! Ты издеваешься надо мной, щенок?! — Сунь Ланьшу с брезгливым воплем вырвала платок из его крошечных пальцев и швырнула на пол.

Тонкая, уже потрёпанная ткань не выдержала рывка и с сухим треском разошлась надвое.

Дяньдянь, глотая слёзы, поспешно присел, надеясь спасти свою единственную ценность. Но стоило ему протянуть руку, как Сунь Ланьшу наступила ему прямо на пальцы. Вскрикнув от боли, мальчик отдернул руку, и в следующее мгновение каблук домашней туфли плотно прижал разорванную ткань к полу.

— Мой платочек... — прошептал малыш.

Прижимая к груди ушибленный указательный палец, он сквозь пелену слёз смотрел на разорванный надвое жёлтый лоскут. Нарисованный на нём хомячок тоже оказался разделён пополам — его весёлая улыбка исчезла.

Это была единственная вещь, оставшаяся от мамы. И он её не уберёт.

«Хомячок больше не улыбается.

Я плохой. Я плохой мальчик».

— Подумаешь, рваная тряпка! Только такой придурок, как ты, может таскать этот мусор с утра до вечера. Родители тебя бросили, придурок! Если бы ты им был нужен, они бы не оставили тебе этот дешёвый хлам. Ты и сам такой же, как этот платок, — ходячий му...

Сунь Ланьшу не успела договорить. Чья-то железная хватка вцепилась ей в плечо, и резкий, безжалостный рывок швырнул её назад.

Она взвизгнула от дикой боли — показалось, сустав сейчас просто вылетит из плеча. Боль ослепила её, лишив всякой возможности огрызнуться. Цзи Лянь брезгливо, словно грязную тряпку, отшвырнул её безвольную руку. Женщина скрючилась, тяжело дыша, а Цзи Лянь вырос перед ней, и его ледяной, пронизывающий взгляд сверху вниз заставил её похолодеть от ужаса.

— Я... я в полицию заявлю! Ты напал на меня...

— Валяй.

Сунь Ланьшу онемела от такого безразличия.

Цзи Лянь оставался пугающе спокоен. В его глазах не было ни тени страха.

— Хочешь звонить копам — звони. Но перед этим я лично отправлю тебя на больничную койку. А то вдруг приедут, а у тебя ни одного перелома? Не хочется, чтобы тебя оштрафовали за ложный вызов. Из чистой заботы, понимаешь?

Сунь Ланьшу лишилась дара речи.

«Она решительно не узнавала Цзи Ляня. Когда этот послушный, тихий мальчик успел превратиться в законченного психопата?!»

Цзи Лянь слегка приподнял уголки губ в едва заметной, зловещей улыбке и неторопливо размял правое запястье.

— Если пальцы онемели и не могут набрать номер — я помогу. Но сначала мне нужно сделать так, чтобы твои обвинения в избиении имели под собой реальную почву...

— Сумасшедший... Ты просто больной на всю голову! — взвизгнула Сунь Ланьшу и, забыв о

всяком приличии, бросилась вон из спальни.

Уже на первом этаже, почувствовав себя в относительной безопасности, она попыталась спасти остатки гордости и истошно заорала, глядя на лестницу:

— Ну погоди у меня! Тебе это с рук не сойдёт! Найдётся на тебя управа!

Улыбка сошла с лица Цзи Ляня. Едва слышно, будто отвечая ей, а может, просто обращаясь к самому себе, он обронил:

— Жду не дождусь.

Дяньдянь замер, наблюдая за этой сценой. На мгновение он даже позабыл о порванном платке и своей обиде. Его круглые чёрные глазёнки сияли от искреннего, безграничного восторга.

«Сяо-ба такой крутой!

Он снова спас меня от этой злой няни!»

Цзи Лянь опустил на корточки. Вся его недавняя свирепость испарилась без следа. Он осторожно потянул малыша за щёку. Несмотря на общую худобу, личико Хэ Шэна оставалось по-детски пухлым, со смешными мягкими щёчками. Когда мальчик замирал с глуповатым видом, он становился невероятно похож на хомяка Дяньдяня — питомца Цзи Ляня из прошлой жизни. Те же бездонные, угольно-чёрные глаза, в которых не было ни капли фальши.

— Дяньдянь... — сорвалось с губ Цзи Ляня под гипнозом этого пристального взгляда.

Оба тут же застыли в замешательстве.

Малыш опомнился первым. Его щёчки залил густой румянец. Смущённо потупившись, он тихонько спросил:

— Сяо-ба, ты звал меня?

Цзи Лянь впервые услышал, как ребёнок назвал его так. В ушах странно зазвенело, а в груди разлилось непривычное, щекочущее тепло.

Этому телу было двадцать два года, но душе самого Цзи Ляня — всего восемнадцать. Он и подумать не мог, что в свои восемнадцать вдруг проснётся отцом трёхлетнего карапуза.

«А впрочем... это даже приятно».

— Угу, — Цзи Лянь облизнул пересохшие губы. Простой кивок дался ему с трудом, внутри поселилась глупая робость. Пытаясь скрыть смущение, он поспешно отвёл взгляд и подобрал с пола разорванные лоскутки.

Он помнил из сюжета романа, что Дяньдянь никогда не расставался с этим платком. Вещь принадлежала его покойной матери, и мальчик берёг её пуще глаза. Даже когда ткань пожелтела от времени и частых стирок, он наотрез отказывался её выбросить.

— Шью я так себе, — неловко произнёс Цзи Лянь, разглядывая испорченную вещь. — Но если ты не против, могу попробовать починить.

Цзи Лянь не умел говорить красивых утешительных слов, но его безмолвная защита значила для Дяньдяня куда больше. Боль от потери утихла. Глядя на порванный платочек, малыш больше не испытывал прежнего отчаяния. Напротив, от ласкового тона Сяо-ба у него перехватило горло. Ему отчаянно хотелось броситься к нему на шею, прижаться всем тельцем и взмолиться:

«Пожалуйста, оставайся всегда таким. Мне так нравится этот Сяо-ба!»

Но детская нерешительность взяла верх. Он замер, боясь сделать шаг навстречу. Вдруг это тепло — лишь случайность? Вдруг неосторожное движение нажмёт на скрытую кнопку в голове Сяо-ба, и этот нежный, заботливый защитник снова исчезнет?

Снегопад парализовал работу аэропорта, рейсы задерживались один за другим. Несмотря на глухую ночь, в терминале по-прежнему бурлила толпа. Прождав более двух часов у VIP-выхода, помощник Сяо Мо наконец заметил в толпе знакомую фигуру своего босса.

Многочасовой трансатлантический перелёт, казалось, ничуть не утомил мужчину. Напротив, его резкие, точёные черты лица словно покрылись тонкой коркой льда. Сяо Мо работал на Хэ Минчэня уже три года, но каждый раз при встрече робел точно так же, как в свой первый рабочий день.

Второй молодой господин семьи Хэ никогда не давал интервью и упорно избегал объективов деловой прессы, однако слухи вокруг его персоны не утихали. Сам Сяо Мо со своими ста восьмидесятью пятью сантиметрами роста перед собеседованием в корпорации Хэ не на шутку переживал: как бы ненароком не уязвить невысокого босса своим превосходством? Но реальность быстро развеяла нелепые сплетни.

Вся жёлтая пресса безбожно врала, выворачивая факты наизнанку. Мифическому коротышке ростом едва за метр шестьдесят стоило накинуть добрых сантиметров тридцать, да и слухи об изуродованном шрамами лице оказались полнейшей чушью.

Высокий, статный мужчина в длинном чёрном пальто двигался уверенно и плавно, а под дорогой шерстяной тканью угадывался силуэт тренированного тела. Даже после утомительной дороги его безупречный костюм не приобрёл ни единой складки. Весь его облик транслировал абсолютную собранность и строгую дисциплину, словно никакие обстоятельства в мире не могли заставить его отступить от заведённого порядка.

За три года службы Сяо Мо так и не научился читать эмоции на лице начальника — оно всегда оставалось маской холодного безразличия. За панорамными окнами терминала бушевала вьюга, и в неверных отсветах зимней ночи Хэ Минчэнь казался ледяным изваянием.

Сяо Мо на секунду засмотрелся и упустил момент. Босс уже поравнялся с ним. Помощник запоздал с приветствием, но Хэ Минчэнь и не думал останавливаться. Он стремительно прошёл мимо, увлекая за собой личного секретаря и двоих телохранителей.

Опомнившись, Сяо Мо бросился вдогонку.

— Господин Хэ, тётушка Сунь звонила несколько раз.

Минчэнь бросил на него короткий, вопросительный взгляд. Помощник тут же пояснил:

— У неё возникли какие-то разногласия с молодым господином Цзи. И это напрямую коснулось маленького господина Хэ.

Мужчина слегка нахмурился, его голос прозвучал сухо и резко:

— Что за разногласия?

В этот раз глава корпорации летел обычным коммерческим рейсом. Из-за задержки вылета и отсутствия связи на борту Сунь Ланьшу не могла дозвониться ни до него, ни до секретаря, поэтому в панике набрала номер помощника. Звонок раздался около восьми вечера. Несмотря на законный выходной, Сяо Мо не решился проигнорировать вызов, зная характер экономки.

Поскольку дело касалось маленького Хэ Шэна, Сяо Мо спешно отследил рейс начальника и помчался в аэропорт, чтобы доложить обо всём лично, едва тот сойдёт с трапа. Тётушка Сунь в трубке кричала так, будто у неё под ногами взрывались петарды, растеряв всю свою обычную степенность. Помощнику пришлось изрядно поднапрячь извилины, отсеивая потоки бессмысленной ярости, чтобы вычленить суть произошедшего.

Смысл сводился к одной короткой фразе:

— По словам тётушки Сунь, молодой господин Цзи плохо влияет на ребёнка и откровенно его развращает.

Самолёт коснулся посадочной полосы глубоко за полночь. В такой час Дяньдянь уже давно должен был спать. Хэ Минчэнь собирался переночевать в своих городских апартаментах, но после доклада Сяо Мо мгновенно переиграл все планы и приказал ехать в загородную резиденцию.

Секретаря и охрану он отпустил, оставив при себе лишь помощника. Стоило им сесть в представительский лимузин и поднять звуконепроницаемую перегородку, как Минчэнь наконец позволил себе немного расслабиться. Многодневный рабочий марафон на пределе возможностей давал о себе знать — даже его железный организм требовал передышки.

Машина плавно выехала на скоростное шоссе. Хэ Минчэнь прикрыл глаза, но спину продолжал держать прямо, напоминая отлаженный, не знающий усталости механизм.

Его старшая сестра всегда отличалась излишней романтичностью и наивностью. Вопреки воле родителей она сбежала за границу со своим возлюбленным. А два года назад Минчэнь получил от неё последнее, полное отчаяния письмо. Прибыв по указанному адресу в полузаброшенную пригородную клинику, он обнаружил лишь остывшее тело сестры, прощальную записку и крошечного младенца.

К удивлению мужчины, ребёнок не был плодом любви сестры и её ветреного спутника. Тот подлец испарился спустя всего пару лет после их побега, бросив её на произвол судьбы.

Сестра, однако, обладала упрямым и гордым характером. Разругавшись с семьёй, она не пожелала возвращаться побеждённой и вымаливать прощение. Вместо этого она тайно вернулась на родину и обосновалась на самой окраине страны. Роскошная жизнь наследницы крупного бизнеса осталась в прошлом; её быстро обвели вокруг пальца местные мошенники, отобрав последние гроши. Дальнейшие попытки наладить личную жизнь тоже оборачивались крахом — мужчины один за другим пользовались её доверчивостью и исчезали.

Когда очередной сожитель украл её скудные сбережения, откладываемые на чёрный день, её здоровье окончательно пошатнулось. очередной негодяй скрылся, оставив её одну на один с неизлечимой болезнью и маленьким ребёнком, которого они незадолго до этого усыновили. Этим мальчиком и был Дяньдянь.

Сестра Хэ Минчэня не могла иметь детей, поэтому забрала сироту из приюта и растила как родного сына. Даже в самые тяжёлые времена она не решалась просить помощи у родителей. Лишь перед самым концом, осознав, что угасает, и боясь оставить Дяньдяня на растерзание жестокому миру, она переступила через гордость и написала младшему брату, умоляя позаботиться о сироте.

Они с сестрой имели пятилетнюю разницу в возрасте, и именно она нянчила его в детстве. Пусть Минчэнь и считал её поступки верхом глупости, он уважал чужой выбор. Вопреки яростному сопротивлению старого клана Хэ, он забрал Дяньдяня к себе.

Родственники наотрез отказывались признавать чужака, в чьих жилах не текло ни капли их благородной крови. И чтобы заставить их замолчать, Минчэню потребовался этот фиктивный брак с Цзи Лянем.

Мужчина не спал, лишь давал глазам отдых. Мысли о Дяньдяне плавно перетекли в воспоминания о его новоиспечённом супруге. Облик Цзи Ляня всплыл в памяти почти случайно. До свадьбы они едва пересекались — Минчэнь знал о существовании юноши лишь благодаря деловым контактам с семьёй Цзи.

Их первая настоящая встреча состоялась, когда Цзи Лянь сам пришёл к нему с предложением о сделке. Тогда-то Минчэнь впервые разглядел своего будущего партнёра. Юноша без прикрас рассказал о своём шатком положении в семье и прямо попросил защиты. Минчэню было плевать, родной ли сын Цзи Лянь или приёмный, — ему требовался надёжный, послушный человек, который присмотрит за племянником в его отсутствие. Убедившись, что кандидат подходит под его требования, они быстро ударили по рукам и подписали контракт.

Поэтому слова Сяо Мо о том, что Цзи Лянь пагубно влияет на ребёнка, вызвали у него лишь скепсис. В его памяти этот юноша остался кротким, покладистым и тихим созданием, не способным на злой умысел или бунт.

Машина свернула на подъездную дорожку усадьбы, и сквозь плотно закрытые окна донёсся пронзительный, полный ярости женский визг:

— Цзи Лянь, ты совсем придурочный?! Какого хрена ты творишь, псих ненормальный! Ты весь день воруеть мою еду! Уймись уже, скотина! Я крошки во рту не держала, а ты жрёшь за двоих! В тебя что, бес голодный вселился?!

Хэ Минчэнь открыл глаза и повернул голову к окну.

Прямо у кованых ворот, устроившись на асфальте по-турецки, сидело нечто в ярко-зелёной пижаме-кигуруми в виде динозавра. Голова этого существа была практически похоронена в пластиковом контейнере с едой. Капюшон с зубастой пастью сполз ему на лоб, отчего казалось, будто ужин поглощает настоящий доисторический ящер.

Всегда благообразная и чинная Сунь Ланьшу с перекошенным от злости лицом неистово трясла парня за капюшон. С резким рывком она сорвала флисовую маску, явив миру сосредоточенное лицо Цзи Ляня. Юноша, казалось, полностью отключился от реальности: он не замечал ни толчков экономки, ни её воплей. Набив щёки едой так, что они раздулись, как у хомяка, он с завидным упорством продолжал орудовать палочками, отправляя в рот очередную порцию.

Хэ Минчэнь молча созерцал эту картину.